

В седьмой год под девизом «Юаньдэ» пламя, уже давно охватившее городские ворота, наконец подобралось к Запретному городу.

Раньше простолюдины, проходя мимо, не смели даже поднять голову, чтобы рассмотреть императорский дворец. Теперь же он был обуглен пожаром, и от бывшего величия и благородства не осталось и следа. Высокомерная надменность власти была растоптана под ногами.

С прошлой ночи со всех дворцовых ворот доносились крики и звуки битвы. Место, где раньше царили тихие разговоры и смех, в мгновение ока превратилось в кровавую бойню.

Никто не мог сбежать — те, кто попытался, уже пали под ударами мечей.

Император не показывался несколько дней, знатные особы прятались в покоях, не смея пошевелиться, в тревоге ожидая неминуемой расправы.

Но все понимали, что удар обрушится не на них. В этом дворце больше всего мятежников интересовала знаменитый павильон Звезд.

Когда-то один человек с тонкими губами произнес пророчество, из-за которого весь род Лю был почти полностью истреблен. К счастью, судьба пощадила избранного небом, и он чудом спасся, пройдя через смертельные испытания.

С тех пор началась война, и теперь пламя добралось до императорского дворца.

Поэтому тот, кто вскоре взойдет на трон, ненавидит, наверное, больше всего именно того астролога, который одним словом решал судьбы людей. Даже император, приказавший казнить весь род Лю, не мог сравниться с ним в этом.

Что знал весь мир, не мог не знать и тот, кто находился в павильоне Звезд.

И все же он был спокоен, как никто другой.

Колеблющееся пламя свечи, пробиваясь сквозь ниспадающие черные пряди волос, освещало его бледные, нежные щеки, а в его необычных глазах отражались яркие блики, придавая ему холодную, отрешенную красоту.

С тех пор как прошлой ночью во дворце вспыхнул пожар, он сидел один за письменным столом, устремив взгляд на чистый, нетронутый тушью лист бумаги. Наконец он откинул мешающие пряди волос с плеч и взялся за кисть.

«Чунмин, когда это письмо дойдет до тебя...»

Все эти годы он мысленно повторял эти слова бесчисленное количество раз. Десять лет тоски, раскаяния и одиночества наконец получили шанс вырваться наружу. Но написал он лишь о пустяках.

О том, в какой день расцвела магнолия, о дереве на перекрестке, которое выкорчевали, о ступеньке с отбитым углом, на которой кто-то оступился и подвернул ногу — видимо, неуклюжих людей на свете больше, чем он один.

Напевая тихую мелодию, он быстро исписал лист, а затем бросил его в курильницу, где тот обратился в пепел.

Когда от письма у него устала рука, он встал, достал из шкафа узелок и вынул оттуда изысканную шкатулку. Ключа от нее у него не было — однажды закрыв, открыть ее уже было невозможно.

Но он знал, что у того человека ключ наверняка сохранился. Что он ждет дня, когда сможет открыть шкатулку в надежде найти хоть слово от него.

Какая досада... Он бережно насыпал внутрь несколько горстей пепла из курильницы.

Защелка на крышке шкатулки звонко захлопнулась.

Пусть это будет его последней шалостью.

Интересно, расвирепееет ли тот человек, открыв шкатулку и увидев лишь горы обугленной бумаги? Не возненавидит ли его еще сильнее и не пожелает ли развеять его прах по ветру?

После этого он остался стоять на самом высоком месте, молча наблюдая, как в свете пламени мелькают тени, раздаются крики, а тяжелые шаги и громкие окрики уже раздаются у стен обсерватории.

Кто-то громко скомандовал:

— Оцепите все выходы, никого не выпускайте! Ждем приказа главнокомандующего!

Он усмехнулся. Куда ему бежать? Все эти годы он не мог сбежать — куда уж теперь?

Лишь на рассвете на лестнице наконец раздались долгожданные шаги.

Он повернулся и спокойно взглянул на входящих.

— Цзин Чэнь, генерал Бай, — произнес он. — Давно не виделись.

Еще на лестнице Бай Шилэй, стоявший за Цзин Чэнем, сжал кулаки так, что из-под ногтей выступила кровь. Его взгляд был полон ненависти, будто он хотел пронзить собеседника насквозь.

Цзин Чэнь остановил порыв Бай Шилэя и, глядя на знаменитые глаза астролога, вежливо ответил на приветствие:

— Астролог Цюй, много лет не виделись, а вы стали еще прекраснее. Не зря в народе говорят: «Ярче всех, второму нет равных».

— Вы льстите, — кивнул Цюй Чэньчжоу и замолчал.

Цзин Чэнь сделал жест, и кто-то поднес кубок с вином.

— Астролог Цюй, — спросил он, — осталось ли у вас какое-нибудь неисполненное желание?

Цюй Чэньчжоу спокойно опустил взгляд на винный кубок, затем вновь поднял глаза.

За годы жизни во дворце он привык к молчанию, и теперь, в последние мгновения, ему было особенно трудно подобрать слова.

— Есть, — после недолгого раздумья ответил он. — Цюй Чэньчжоу недостоин жизни, но умоляю главнокомандующего пощадить императора.

— Пф! — Бай Шилэй яростно плюнул. — Вот же преданный пес! С чего ты взял, что можешь за кого-то просить? Из-за былой дружбы? Ты хоть знаешь, через что прошел второй брат все эти годы?!

— Я подвел его, — опустив глаза, Цюй Чэньчжоу ненадолго замолчал, затем слегка сжал тонкие губы и повторил: — Я готов умереть. В обмен на жизнь императора.

— Астролог Цюй думает, это отравленное вино? — В голосе Цзин Чэня сквозила холодная насмешка. — Если вы надеетесь так быстро уйти от расплаты, то вы крайне наивны.

Кубок в руках Цзин Чэня протянули к нему.

— Астролог Цюй, ваш язык острее меча. Сколько семей погибло из-за ваших слов — вам лучше всех знать. Главнокомандующий хочет сначала запечатать эти уста. О том, как с вами поступить, решат позже.

Цюй Чэньчжоу мысленно вздохнул. Ему хотелось горько усмехнуться, но он давно привык к этой ледяной невозмутимости.

Неизбежное все равно наступает. Чунмин даже не хочет слышать его оправданий.

Но... разве его руки не по локоть в крови? Какие могут быть оправдания?

Наконец он медленно принял кубок, глядя на свое отражение в вине, и тихо спросил:

— Могу я увидеть его?

— Цюй Чэньчжоу, — за спиной язвительно усмехнулся Бай Шилэй, — у тебя хватает наглости просить об этом?

Цюй Чэньчжоу сжал губы, не реагируя на колкости:

— Тогда... он передал мне что-нибудь?

— Конечно, — на этот раз ответ последовал мгновенно, и на губах Бай Шилэя заиграла насмешливая улыбка. — Второй брат сказал: «Только не убейте».

Словно тяжелый кулак ударил в грудь. Цюй Чэньчжоу на миг потерял дыхание.

Он поднял кубок, глядя на свое отражение с покрасневшими глазами:

— Хорошо.

Столько лет прошло, а он все такой же слабак — стоит Чунмину бросить грубое слово, как глаза тут же наполняются слезами.

Когда он уже собрался выпить, Цзин Чэнь внезапно спросил:

— Говорят, астролог Цюй, как носитель дара пророчества, не может лгать. Не ответите ли на один вопрос?

Взгляд Цюй Чэньчжоу не отрывался от колеблющейся поверхности вина:

— Говорите.

— Астролог Цюй знал, что каждое его слово повлияет на жизни многих людей?

— Знал.

— Тогда зачем ты говорил это?! — Даже всегда сдержанный Цзин Чэнь теперь звучал с гневом.
— В твоих глазах чужие жизни ничего не стоят?!

Цюй Чэньчжоу смотрел на свое отражение в кубке, молчаливый и невозмутимый.

Цзин Чэнь стиснул зубы:

— Не зря все говорят, что астролог Цюй — будто бесстрастный небожитель, сошедший в мир смертных. Гадания безошибочны, слова всегда сбываются. Для тебя люди — просто солома для жертвенного костра?

— Разве не так? — Цюй Чэньчжоу поднял на него глаза и улыбнулся.

Бай Шилэй скрипел зубами так, будто вот-вот раскрошит их. Если бы не приказ, он бы тут же разорвал Цюй Чэньчжоу на куски:

— И ты ждешь здесь, надеясь, что тебе оставят жалкую жизнь?

— Я хочу жить, — просто ответил Цюй Чэньчжоу, не заботясь о том, разозлит ли это его слушателей.

Его взгляд скользнул по людям перед ним, их доспехи были забрызганы кровью. Каждый из них, наверное, думал так же: если есть шанс, кто не захочет выжить?

Больше никто не задавал вопросов.

Цюй Чэньчжоу закрыл глаза и осушил кубок. Вино горело, как огонь, проливаясь в живот.

Из уголка губ невольно выступила тонкая струйка крови. Он вытер ее тыльной стороной ладони, стараясь скрыть дрожь в руках, и вернул кубок.

Затем, окруженный стражей, он покинул павильон Звезд, где прожил больше десяти лет.

— Цюй Чэньчжоу! — чей-то яростный крик донесся сзади. — Такому, как ты, даже в преисподней не будет покоя!

Цюй Чэньчжоу обернулся, глядя на Бай Шилэя и Цзин Чэня, но не смог издать ни звука.

Голос, сопровождавший его больше двадцати лет, принесший столько бед ему и всей Поднебесной, наконец покинул его — благодаря одному кубку вина.

Он мог предсказать судьбы других, но так и не увидел собственного завтра.

<http://bllate.org/book/15643/1398421>